

От составителя

В этой книге собраны мысли Солженицына об истинном значении Свободы, о неверных представлениях друг о друге России и Запада, о новых опасностях, грозящих современной цивилизации.

Отдельный раздел посвящён Украине, славянской трагедии, «постоянной горечи и боли» писателя.

«Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только её боль я слышу, только о ней пишу», — сказал Солженицын в 1967 году. Через шесть лет, в 1974, за публикацию «Архипелага ГУЛАГа» его лишили гражданства и выслали из СССР.

Жизнь на Западе, сначала в Европе, потом в Америке, позволила внимательно взглянуться в общественные настроения, в работу свободной прессы, в разные формы государственного устройства. Его озадачивало и огорчало выветривание на Западе высоких форм свободы, оттеснение нравственных понятий понятиями юридическими: «Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека». Он сокрушался подменой, «измельчением» свободы: сохранили термин, но изготовили другое понятие — маленькую свободу, которая «лишь карикатура большой». Эта свобода вывела, правда, на путь всеобщего благополучия, но тут же завела в опасную ловушку ненасытного потребления.

Ожидало писателя и другое горькое открытие: оказывается, искажение русской исторической ретроспективы, непонимание России Западом уже выстроилось в устойчивое тенденциозное

обобщение — о «русской азиатчине», об «извечном русском рабстве», которое у русских чуть ли не в крови. Он обнаружил, что почти каждый западный историк «автоматически поддаётся постулату: СССР — естественное продолжение старой России». А на самом деле, говорил Солженицын, «переход от дооктябрьской России к СССР есть не продолжение, но *смертельный излом хребта*, советское развитие — не продолжение русского, но извращение его». Он неустанно твердил об ошибке — смешивать мировую болезнь коммунизма со страной, которую он овладел первой, говорил, как «легкомысленно и неправильно используют слово “русские” вместо “советские”, — и даже с постоянным эмоциональным преимуществом в пользу второго (“русские танки вошли в Прагу”, “русский империализм”, “русским нельзя верить”, но — “советские космические достижения”, “успехи советского балета”). Так и «все преступления, пороки и провалы *советского* социализма ложно отнесли за счёт *русской* “рабской традиции”».

О своих наблюдениях и выводах писатель говорил публично — и вызвал немалое раздражение публицистов определенного направления и нападки прессы.

Объясняя свой отказ приехать в Белый дом, Солженицын писал президенту Рейгану: «Проявляется то враждебное отношение к России как таковой, стране и народу, вне государственных форм, которое характерно для значительной части американского образованного общества, американских финансовых кругов и, увы, даже Ваших советников. Настроение это губительно для будущего обоих наших народов».

Но вот спустя двадцать лет Солженицын смог вернуться на Родину. Ему и тут не изменил трезвый взгляд на новые опасности, встающие при переустройстве мира. В 1995 году он предвидел: «XXI век будет очень бурным, очень тяжёлым, и даже, может быть, уже первая половина XXI века». Кончилась Холодная война — «а что-то не стало на планете спокойнее, чуть ли не чаще стало, то там, то сям, — вспыхивать, взрываться, стрелять, уже и не наскрести войск ООН

для умиротворения». Он считал, что момент, когда «НАТО отвергло Организацию Объединённых Наций, какая бы она ни была слабая, и стало действовать само, — был исторический момент, выходящий за пределы всей проблемы Югославии. Это страшно, грядёт совершенно новый общемировой строй».

«С Украиной будет чрезвычайно больно», — с тревогой писал Солженицын больше полувека назад. Уже тогда он предвидел попытки отделения Украины, но считал, что нужен бы «по каждой области свой плебисцит», учитывая, по каким ленинским лекалам были нарезаны земли, никогда не относившиеся к исторической Украине... И четверть века назад недоумевал: если в Западной Украине сносят памятники Ленину, отчего ж «украинские националисты бронёй стоят за эти священные границы, дарованные батюшкой Лениным»...

Об отношениях с Украиной, о губительном накале страстей вокруг русско-украинского вопроса, о том, как

«Америка всемерно поддерживает
каждый антирусский импульс Украины»,
Солженицын писал до последних своих
дней.

Наталья Солженицына

РОССИЯ И ЗАПАД

Оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали

Из Нобелевской лекции
1972

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трём-четырёх примощённым ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмёрзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть с большим даром, сильнее меня, — погибли. <...>

И мне сегодня, сопровождаённому тенями павших, и со склонённой головой пропуская вперёд себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать они?

Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы её понимали. Словами Владимира Соловьёва:

Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

В томительных лагерных перебродах, в колонне заключённых, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно откликнется мир. Отчётливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось перевеса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, тою жизнью проверены, отсюда выросли.

Когда ж ослабилось внешнее давление — расширился мой и наш кругозор, и постепенно, хотя бы в щёлочку, увиделся и узнался тот «весь мир». И поразительно для нас оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали, как мы надеялись: «не тем» живущий, «не туда» идущий, на болотную топь восклицающий: «Что за очаровательная лужайка!», на бетонные шей-

ные колодки: «Какое утончённое ожерелье!», а где катятся у одних неотирные слёзы, там другие приплясывают беспечному мюзиклу.

Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувствен ли мир? Или это — от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга? Слова отзвучивают и утекают как вода — без вкуса, без цвета, без запаха. Без следа. <...>

Человек извечно устроен так, что его мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, его мотивировки и шкала оценок, его действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Как говорит русская поговорка: не верь брату родному, верь своему глазу кривому. И это — самая здоровая основа для понимания окружающего и поведения в нём. И долгие века, пока наш мир был глухо загадочно раскинут, пока не пронизался он едиными линиями связи, не обратился в единый судорожно бьющийся ком, — люди безошибочно руководились своим жизненным опытом в своей ограниченной местности, в своей общине, в своём обществе, наконец и на своей национальной территории. Тогда была возможность отдельным человеческим глазам видеть и принимать некую общую шкалу оценок: что признаётся